

Д. Л. Сливак

КАК СТАТЬ ПОЛИГЛОТОМ

Дмитрий Леонидович Спивак

Как стать полиглотом

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168535
Спивак Д.Л. Как стать полиглотом: Лениздат; Ленинград; 1989
ISBN 5-289-00539-0*

Аннотация

Каждый ли человек способен овладеть иностранным языком? Какой язык целесообразнее изучать? Существуют ли научно обоснованные методики, облегчающие овладение языками? С какого возраста следует обучать языку своего ребенка?

Эти и многие другие вопросы интересуют каждого культурного человека. В поисках ответа на них читателю доведется углубиться в запыленные фолианты, рассказывающие о захватывающей истории полиглотов, заглянуть в лаборатории психолингвистов, раскрывающих тайны многоязычия, побеседовать с людьми самых разных профессий и возрастов, отдающих свободное время изучению языков. В заключение даются практические рекомендации для желающих самостоятельно и в сжатые сроки овладеть языком.

Книга основана на многолетних работах автора-полиглота, члена Педагогического общества РСФСР, и предназначена широкому кругу читателей.

Содержание

Предисловие	5
Глава первая	6
Кто такие полиглоты?	7
Природа или воспитание?	10
Трудно ли учить языки?	13
Экология языков	15
Как выбирать язык?	17
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дмитрий Леонидович Спивак

Как стать полиглотом

Предисловие

Книг, подобных той, которую вам предстоит прочесть, у нас раньше не выходило, хотя потребность в них неоспорима. Иногда какой-нибудь полиглот поделится в газете некоторыми приемами из своего опыта, но четких практических рекомендаций, а тем более рассказа о месте полиглотов в истории и культуре у нас до сих пор не было.

В книге ясно показано, что знание одного или нескольких языков – совершенно естественное явление. Оно распространено шире, чем принято считать, – особенно в нашей многонациональной стране. Следует полностью согласиться с автором, что людей, неспособных к усвоению языков, нет и не может быть, ведь резервы человеческого мозга неисчерпаемы и каждый из нас использует пока только скромную их часть.

Издание, несомненно, окажется полезным для самого широкого круга читателей. В нем рассматривается целый спектр вопросов, связанных с тем, какой язык выбрать для изучения, даются рекомендации, обращенные к родителям, преподавателям кружков и курсов, где люди овладевают неродным языком. Кроме того, оно поможет ориентироваться во множестве языковых проблем, возникающих в нашей повседневной жизни буквально на каждом шагу.

Одним словом, на страницах книги приводятся советы, нужные каждому. Для этого автор привлек весьма представительный круг литературы и лично обобщил богатый опыт наших полиглотов.

Вероятно, читателю останется неясным лишь один вопрос – сколько же языков знает сам Дмитрий Спивак? Для отдыха он может увлеченно вчитываться, скажем, в китайскую грамматику, а переход, допустим, от шведской книги к греческой газете совершается им без всяких затруднений. Но сам он говорит, что знает языков столько, сколько необходимо для дела, например хотя бы для того, чтобы перед читателем легла эта книга. Свободно, скромно утверждает автор, он владеет семью языками, а при необходимости с помощью методов, раскрытых на страницах книги, за короткое время в состоянии «справиться» с любым понравившимся языком – европейским или азиатским, древним или молодым. Специалист по теории и истории педагогики, он много работал и практически – как переводчик международных форумов и конференций молодежи.

Рекомендации автора могут быть без оговорок приняты любым юношей или девушкой – даже считающими себя неспособными к языку. Очень скоро, сделав первые успехи, читатель добром помянет полученные советы. Иначе и быть не может, ведь в книге по крупицам собран и обобщен опыт самых разных людей. Должен признаться, что и я, в общем давно работая над различными языками, нашел полезными для себя кое-какие из этих советов.

Книга адресована массовому читателю, но в первую очередь, конечно, сверстникам автора – молодым людям. И это очень важно, поскольку молодежь, идущая нам на смену, должна решать свои проблемы сама. Впрочем, уверен, что человек любого возраста найдет здесь тему себе по душе. Книга написана увлекательно, ясно, она нужна людям, а значит, ей суждена долгая жизнь.

*А. Д. Дридзо, доктор исторических наук
Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР*

Глава первая Приглашение в мир полиглотов

Кто такие полиглоты?

Над морем уже темнело, когда к нашему дому приковылял старый пират. На его плече сидел попугай, бывший крыльями и кричавший: «пиастры! пиастры!». С этого вечера начались приключения, приведшие меня на остров сокровищ...

Да, начинать книгу таким образом просто и весело – внимание читателя приковывается сразу и до конца. Можно даже рассчитывать на чтение ночами напролет. А наша тема? Может ли она вызвать интерес широкой аудитории, радовать и волновать?

Начнем с самого слова. По-гречески полиглот значит многоязычный, то есть человек, владеющий многими языками. И особой тайны здесь нет – пресса периодически пишет о людях, способности которых почему-то превосходят средние.

Так, житель Франкфурта-на-Майне Л. Шютц свободно поддерживал беседу на 270 языках. Заметим, что, вероятно, проблему составляла доставка к нему собеседников, поскольку даже в очень большом городе найти более сотни носителей разных языков в общем-то трудно. А отсюда следуют две очевидные вещи. Во-первых, его способности использовались в обычной, каждодневной жизни хорошо, если на десятую часть. Во-вторых, это были явно аномальные способности – как у спортсмена, который прыгает за два метра: сколько ни смотри соревнования по телевизору, так высоко не прыгнешь.

В газетах постоянно мелькают подобные заметки о полиглотах. И вероятно, роман о внутренней жизни такого человека – своего рода донжуана языков, пленяющегося все новыми наречиями и покоряющего их в мгновение ока, – был бы занимателен. Но, кроме простого развлечения, какой вывод мог бы сделать отсюда обычный читатель? Что хорошо иметь большие способности и уметь их развивать? Или что возможности любого человека безграничны? Не случайно в интервью и записках знаменитых полиглотов обычен тот аргумент, что их достижения важны как доказательство реализации необозримых способностей человека. Конечно, любой из нас использует свой мозг едва на десятую долю, и, так же как знаменитый марафонец открывает чудеса резервов тела, полиглот делает то же самое в сфере разума. Но тогда самое место их описанию в научном труде. Спору нет – наука много сделала для понимания данного явления. Но это ли главное?

...Оставим на минуту современность и перенесемся на тысячелетие назад: в Киеве тогда шел 6476 год. Кочевники-печенеги осадили город, и некому было выбраться из него за подмогой. Положение у наших предков критическое. И тут из толпы выступает мальчик: он знает язык печенегов, попробует выдать себя за кочевника и пробраться сквозь стан. Что было дальше – прощание с родителями, напутствие соседей, – мы не знаем, но самое важное пробилось к нам сквозь толщу веков в виде живого рассказа. Обратимся к «Повести временных лет» и послушаем летописца без переводчиков.

«Отрок изиде из града с уздою, и ристаше сквозь печенеги, глаголя: „Не виде ли коня никтоже?“ Бе бо умея печенежски, и мняхуть и своего. И яко приближися к реце, сверг порты, сунуся в Днепр, и побреде». Конец этой истории хороший – подмога пришла вовремя.

Ну а еще за тысячелетие до этого похожий случай произошел в Древнем Риме. Отважный юноша, зная этрусскую речь, прокрался в стан неприятеля – только его схватили. Во время допроса он держал руку на огне. Подвиг Муция Сцеволы поразил древних и тоже дошел до нас в истории.

Схожесть эпизодов такого рода дала некоторым исследователям основание предполагать, что здесь мы имеем дело все-таки не с голым фактом, а с художественно переосмысленной реальностью. Но даже если это и так, то народ обобщил то, что нередко случалось в жизни и что соответствовало его идеалам. Следует сразу оговориться: в этих первых случаях

из длинного ряда, о которых мы расскажем, звучание языков смешивается со звоном мечей. Так и должно быть – священный долг защиты Отечества завещан нам дедами и прадедами.

Но не будем забывать и о другой стороне медали: в мирное время эти же языки несли взаимопонимание и уважение, обогащали обе культуры. Всем известно, как много – от алфавита до самых основ государственности – дали этрусски Риму. Что же касается соседей-кочевников, то на Руси не стыдились при случае ни родниться с ними, ни учиться у них.

...250 лет назад сложные взаимоотношения казахских кочевников с русским государством завершились добровольным присоединением их к России. С тех пор судьбы обоих народов связаны в радости и испытаниях. И вот, перелистывая посвященный этому юбилею сборник казахской поэзии, я обратил внимание на имя Надежды Лушниковой. Как своеобразно слились в ее стихе восточный сказ и европейская строгость:

Аул родной! Ты воспитал меня,
мою любовь до времени храня.
Язык казахский мне навеки дал —
сравнятся ль с ним и жемчуг, и коралл?

В строках, вышедших из-под пера Надежды Лушниковой, гармонично сочетаются русская частушка и народный праздник поэзии айтыс, где состязаются акыны. А началась ее история в годы войны. После гибели отца девочку воспитывали в казахском ауле. Она ходила в местную школу, слушала мудрых аксакалов – и музыка чужой речи проникала в душу.

А затем полились и стихи. Постепенно они нашли своих слушателей – и русская девушка стала членом Союза писателей Казахстана, признанным знатоком казахского языка и культуры. Живет Надежда Андреевна в маленьком городке Узунагаче, преподает ребятам из местного ПТУ казахский, а маленькой Гульжан, которую она удочерила после потери девочкой родителей, открывает сокровищницу русского слова. В этом примере, конечно, отразились тысячи схожих судеб, присущих нашей многонациональной стране. Чему учит детей Лушникова? Думается, что не только языку, но и жизненной мудрости, уважению к достоинству чужого народа...

Теперь мы ступили на более твердую почву для разговора о полиглотах. Да, знать много по количеству – важно. Но знать много по качеству, по сумме принесенного людям добра – неизмеримо важнее. В самом деле, ведь все упомянутые нами люди знали по одному языку, а разве малого они добились? По-видимому, важно не то, сколько языков было изучено, и даже не то, до какой степени совершенства. Существенно, что достигнуто то главное, ради чего язык понадобился. В иных условиях и несколько слов чужого языка могут стать золотым ключиком.

Наверное, и это еще не всё. Даже если не говорить о других языках, разве не нужно владеть историей родной речи? Действительно, ведь уже у Пушкина мы понимаем отнюдь не все. В самых простых оборотах есть смысл, который иногда совсем не очевиден. Знать прошлое своего языка – значит говорить с предками без переводчика. Разве это не то же многоязычие?

Согласитесь, здесь есть что-то от отношений между... физкультурой и спортом – пусть кто-то ставит рекорды, но это не заменяет того, что каждый должен быть здоровым и сильным. Точно так же, пусть редкие феномены достигают пределов возможностей, среднему человеку достаточно обладать основами языковой культуры. Может быть, это выразится в знании какого-то языка, но прежде всего в доброжелательной готовности к контакту с носителем другого языка, в умении выйти из него внутренне богаче. Поэтому, когда мы вместе с вами, дорогой читатель, будем искать ответ на вопрос: «Как стать полиглотом?», речь пойдет

в первую голову об ориентации на многоязычие как части гармонично развитой, духовно наполненной личности.

Конечно, если читатель ищет на этих страницах приемы, позволяющие быстрее изучить нужный ему язык, то они есть и все будут даны. Но скажем сразу, что пропуск к успеху в этом деле – не навыки, а твердая внутренняя установка на доброжелательное любопытство к любой незнакомой речи.

В связи с этим мне приходит на память забавная игра, популярная у петербургских гимназистов прошлого века. Она состояла в том, что ребята собирали... слова из самых редких или малодоступных языков. Все здесь было как у настоящих коллекционеров: и использование любой возможности для пополнения своей коллекции, и ревнивое соревнование, и обмен. Мы, вероятно, не знали бы об этом поветрии, если бы не дневник маленького Алеши Шахматова. Откроем первую попавшуюся страницу. Вот и учет: за 50 санскритских и 3 готских слова выменял 60 исландских, за 40 персидских и 8 арабских – 50 финских и литовских. Впрочем, успех сменялся неудачей: «У меня критическое положение. Желая купить армянскую азбуку и несколько мифологических песен, но за них требуют 1200 слов санскритских. Такого у меня нет капитала».

Смешные и далекие от нас проблемы, но учтем, что из этого маленького чудака вырос большой знаток культуры своего народа. Современные биографы прямо пишут, что для истории русского летописания академик Шахматов сделал не меньше, чем Пушкин для нашей литературы. Впрочем, итоги деятельности Алексея Александровича каждый из нас ощущает весьма явственно – ведь если мы не мучимся сегодня с правописанием ятя, фиты и твердого знака, то этим мы обязаны реформе русской орфографии, во многом разработанной Шахматовым.

Конечно, читателю вовсе не требуется приниматься за коллекционирование иностранных или древнерусских слов. В нашем распоряжении вполне достаточно словарей и пособий. Но почему бы не заинтересоваться значением термина, услышанного на работе, не попробовать разобраться в технической характеристике станка, пришедшего из-за рубежа? Почему бы не узнать, как будет «яблоки» на языке симпатичного южанина, у которого вы их покупаете на рынке, и не удивить заезжих туристов приветствием на их языке? Знания, которые мы получаем по ходу дела и совершенно даром, могут помочь и в работе, и в налаживании добрых человеческих отношений.

Но уж если для такой учебы на лету нужны время и раскованность, которых вам не хватает, то расположить к ней своего ребенка – первый шаг к тому, чтобы сделать его и способным к иностранным языкам и умело пользующимся родным. И если начинать учение языкам, то не с найма репетиторов и не с зубрежки правил, а с воспитания того, что мы называли доброжелательным любопытством. Тогда можно будет быстро и очень легко... Впрочем, постойте!

Природа или воспитание?

На первый взгляд общие контуры темы очерчены, и в принципе нам ничто не мешает взяться за ее практическое рассмотрение. Но тут, как писали в старину, перед мысленным взором сочинителя встает ситуация, не раз возникавшая на его выступлениях. Как только заходила речь с детей, с места поднимался серьезный слушатель и проникновенно говорил о том, сколько сотен часов было потеряно им на немецкий – и все без толку. (Аудитория при этом сочувственно вспоминает пресловутые «тысячи» – те самые тексты для домашнего чтения, без которых у нас в техникумах и институтах зачета не получить.) «Ну я – ладно, – заканчивал страдалец, – но у детей те же неудачи в школе. Видимо, неспособность к языкам передается по наследству. Какой прок в советах, если природа отказала?»

Вопрос правильный, и без внятного ответа на него двигаться дальше нельзя. Более того, есть за рубежом целое научное направление, которое исходит из того положения, что 4/5 интеллекта человека наследуются совершенно пассивно. Теоретиками этой школы усовершенствован, кстати, тип анкет – так называемые «ай-кью». Если вы плохо заполните их, доступа в целый ряд фирм или учебных заведений вам не получить. Есть и специальные тесты, определяющие ваши шансы выучить хоть один язык, а по их итогам они очень часто могут оказаться нулевыми.

По большому, как говорится, счету этот подход нельзя так просто забраковать. Скажем, английский полиглот прошлого века Дж. Боуринг мог говорить на ста языках и читал еще на ста отнюдь не потому, что его кто-то хорошо научил. Скорее всего, игра генов. Но всегда ли колоссальные природные способности приводят к овладению языками? Возьмем такой феномен, как неограниченная память.

Помните, как длинен роман В. Гюго «Собор Парижской богородицы»? Так вот, французский политический деятель Гамбетта свободно читал наизусть в прямом и обратном порядке не только его текст, но и все собрание сочинений писателя. Или наш современник А. Чиквашвили. Однажды друзья в шутку попросили его сказать, сколько слов произнесет комментатор матча тбилисского «Динамо» с московским «Спартаком», а сами для контроля включили магнитофон. Тбилисец устроился у телевизора, от души поболел за родную команду, а в конце сказал: 18 350 слов, 174 270 букв. Пять часов потратили друзья, чтобы убедиться в его правоте.

Примеры такого рода легко умножить. Автор особенно интересовался подобными случаями, беседовал с людьми, обладающими феноменальной памятью. И выяснилось, что многие из них знают не более 1–2 языков, но самое интересное – что и на родном иногда не вполне схватывают смысл того же репортажа, какие-то намеки, каждому из нас понятные с ходу.

Дело в том, что у них развита какая-либо одна способность – в данном случае механическая память и автоматический счет, – а другие вполне обычны. Язык же требует не только этих, но еще многих других способностей. Потому-то среди знаменитых полиглотов так мало людей, прославившихся еще на каком-то поприще, пусть даже на таком близком, как лингвистика. Вот другой пример. Десять лет назад скромный врач из Филадельфии А. Линген взял в руки пластинку. Как-то по-особому взглядевшись в нее, он обнаружил... что явственно слышит записанную на ней музыку. С тех пор у доктора открылась способность читать по бороздкам на диске, как по нотам, различая самые тонкие пиццикато и другие нюансы.

Удивительная острота зрения, его связь со слухом. В языках талант Лингена обнаружился бы, вероятно, в быстром освоении китайских иероглифов, на которое у обычных

людей уходят годы, но, чтобы овладеть языком в целом, ему пришлось бы потрудиться не меньше, чем любому из читателей.

Мы вовсе не отрицаем огульно мнение зарубежных коллег. Но лучшие из разработанных ими тестов все же измеряют не более 3–4 из целой массы способностей. И, как это всегда бывает в жизни, в конечном счете успеха добивается не вундеркинд, развивший какую-либо одну способность, но средний человек, продуманно распределивший свои скромные силы. Есть ли какой-то способ, по которому можно измерить не части, а целое? Да, и это не выполнение придуманных задачек, а достижение реальной жизненной цели. И каждый из нас уже прошел этот тест при освоении родного языка.

Ошибочно было бы думать, что все мы делали это играючи или примерно одинаково. По-видимому, у одних этот путь напоминал ровную дорогу, а у других – кочки и овраги. Хотя результат вышел примерно тождественным, каждый пришел к нему своим путем. Одним словом, те 20 тысяч часов, которые нужны в среднем, чтобы из звуков новорожденного получилась осмысленная речь, были заполнены чередой открытий себя. Конечно, мы все начинали с природных задатков, но вот развивал их каждый по-своему.

Но, впрочем, читателю явно больше десяти лет, и он обратился к этой книге вовсе не за помощью в овладении родным языком. Какие выводы можно сделать из этого, уже пройденного, пути?

Во-первых, каждый человек способен к овладению любым языком. На этом положении основываются все серьезные специалисты по обучению языкам и, кстати, языковые программы наших школ и техникумов. Вот как высказывается на эту тему в проведенной «Литературной газетой» дискуссии о языковой одаренности заведующая кафедрой психологии Московского пединститута иностранных языков И. Зимняя: «„Феномена лингвистической безнадежности“ для нормального человека не существует». Смею заверить читателя, что ни один здоровый человек, полностью не способный к языкам, наукой пока не наблюдался.

Во-вторых, когда нам нужно взять крепость чужого языка, мы можем сделать это, лишь применяя опыт по штурму родной речи. Вся наша деятельность вообще устроена так, что мы учимся на ошибках и используем снова и снова приемы, освоенные при решении прежних задач. Казалось бы, вот и хорошо: вспомним, как учились с колыбели, и проблема решена.

Но вот беда! Если бы мы вели дневник при освоении родного языка, хотя бы помечали основные трудности... Однако, кроме смутных воспоминаний и старых игрушек, не сохранилось ничего. Впрочем, даже если бы родители вели день за днем записи, и это вряд ли помогло бы. Ведь мы учились, не водя пальцем по учебнику и не выписывая слова на карточки. Мы учились всеми, так сказать, фибрами души с восхода до заката. А раз так – нашим сознательным усилиям помогал могучий поток бессознательного, переработавший за те же 20 тысяч часов в 10 миллионов раз информации больше, чем разум. Вероятно, даже конспективная запись проделанной этим потоком работы превысила бы объем любой библиотеки в мире.

А впрочем, зачем нам эти промежуточные этапы? Главное, что мы поймали механизм того, как звуки связываются в речь, и успешно отлаживаем его на практике. Каждый из нас – опытный специалист в этом деле, важно только понять секреты собственного мастерства. А вот как далеко от нас ушла детская легкость – вопрос непростой. По мнению некоторых ученых, после языкового взрыва, происходящего на возраст от 2 до 5 лет, что-то внутри закрывается. Как будто внутренние способности, которые в эти годы лепились, как пластилин, позже затвердевают, как мрамор. Отсюда следует то, что до 5–6 лет ребенок должен освоить начала какого-то языка. Потому американские ученые, вообще, как мы знаем, придающие большое значение раннему развитию врожденных задатков, ко второй половине 80-х годов и разработали около 1200 программ, по которым дети этого возраста овладевают 2–

3 иностранными языками. У нас тоже есть богатый опыт – хотя бы накопленный в детских садах союзных республик, где есть много ребят, говорящих и на национальном, и на русском языках.

Другие, не менее серьезные ученые полагают, что явственно ощущаемый порог около 5–6 лет означает, скорее, не захлопывающуюся навсегда дверь, но временное отвлечение на какие-то более важные задачи. (Скажем, в старину крестьянские дети примерно этого возраста переходили к посильной трудовой деятельности.) А потом языковой расцвет может возвращаться, и не раз. Так показало обстоятельное обследование того, как изучают иностранные языки более 1/4 миллиона школьников разных стран, проведенное ЮНЕСКО. Выяснилось, что пик приходится на 12–15-летний возраст: подросток, впервые взявшийся за язык в эти годы, имеет шансы обогнать даже того, кто начал учебу на 8 лет раньше его.

По-видимому, есть и другие пики. Согласно специальным исследованиям, весьма перспективен возраст 27–30 лет, далее – 45–48. Впрочем, если это и так, речь идет только о периодах наибольшего благоприятствования, а ведь мы говорим на языке всю жизнь. Поэтому для начала занятий подходит любое время, главное – пустить в ход те способности, которые у каждого сформированы родной речью.

Составить какую-то инструкцию на этот счет нельзя. Ведь речь идет об очень личном, неповторимом даре. Вместе с тем наметить путь в принципе, показать уже проторенные тропинки и предостеречь от явно тупиковых направлений вполне возможно. Вот в этом смысле опыт больших полиглотов и драгоценен – он как бы лаборатория, в которой разрабатываются маршруты самой разной сложности. Мы в нее войдем и узнаем секреты полиглотов, чтобы срок изучения – 20 тысяч часов – для второго языка можно было сократить раз в 50.

Трудно ли учить языки?

Так вот, воспитать ребенка человеком, которому быстро и легко даются языки, вполне возможно. Да и для вас, уважаемый взрослый читатель, главная задача состоит, как ни странно, совсем не в том, сколько там слов выучивать пополам с головной болью, а в том, чтобы познать самого себя. И толстые словари с запутанными грамматиками скорее не препятствия, а инструменты на этом пути.

Мне вспоминается забавное высказывание одного политического деятеля. Разговорившись однажды с представителями прессы, он заметил, что французский язык качественно отличается от всех других: по-французски слова подбираются точно так, как складывается в голове мысль, ясно и пристойно, а в других языках все как-то с выкрутасами, неловко и искусственно. Веселые журналисты поспешили информировать читателей о редкой проницательности деятеля, не забыли и добавить, что он, конечно, был французом (в случае если бы похвалы удостоился арабский язык, говорящий наверняка был бы арабом). При редкостной наивности этот политик выразил то общее для всех и вполне верное убеждение, что родной язык имеет для каждого главное значение.

Отсюда и знакомое любому противоречие: с одной стороны, освоить иностранный язык можно, только идя от родного, а с другой – всякий выход за его границы болезнен, создает неизбежную неуверенность, часто превращающуюся в высокий барьер. Со всей ответственностью заявляю от имени полиглотов: каждый этот барьер ощущал, но при умелом подходе его можно практически сровнять с землей. Вот как формулирует эту закономерность один из авторитетных полиглотов нашей страны Е. Чернявский, освоивший около 40 языков: «Говоря упрощенно, каждый новый язык гораздо легче предыдущего. Если принять сумму усилий при изучении первого языка за условную единицу, то на второй потребуется уже половина усилий, на третий – 1/4, на четвертый – 1/8 и так далее. Если к этому „закону“ не предъявлять чрезмерных требований в отношении точности, то он вполне справедлив».

И вот что интересно: в самых общих чертах этот закон распространяется на любой язык, даже самый сложный, непривычный. С одной поправкой, конечно: мы здесь не говорим о письменности. Например, персидская вязь создает дополнительные трудности. Да что там персы! Иногда удивляешься, что за орфографию придумали себе те же англичане или французы. По этому поводу над соотечественниками подтрунивал английский писатель. Он произносил слово «фиш» (рыба) и просил собеседников написать его. Когда они писали fish, он важно утверждал, что на самом деле гораздо правильнее писать так: ghoti. И объяснял: в слове enough буквенное сочетание gh выражает звук «ф». Далее, в слове women буква «о» выражает звук «и». Наконец, в слове emotion «ti» выражают звук «ш». Следовательно, мы имеем полное право записать *ф + и + ш* как *gh+o+ti!*

Это, конечно, шутка, но в общем близкая к жизни. Школьники на уроках правописания изрядно мучатся. В говорящих по-английски странах для них даже создан особый словарь, в котором по тому, как слово произносится в жизни, можно найти – иногда с трудом, – как же его следует писать. В государствах, где такого словаря нет, результаты получаются иной раз из ряда вон выходящие. Так, на одной диктовке 430 французских школьников написали слово «хризантема» (chrysanthème) 156 разными способами. Вспомним добром академика Шахматова, благодаря которому мы не мучимся с ижицей и ятем, хотя и теперешнее русское написание пока оставляет желать лучшего, и вернемся к нашему «закону».

Так вот, если не говорить о, в конце концов, не принадлежащих языку внешних факторах вроде письменности, после того как мы первый раз преодолеем барьер собственной робости и неумелости, особенных сложностей дальше не будет. Каких-либо трудных или, наоборот, особо легких языков, пожалуй, и нет. Но при первом преодолении барьера пора-

ботать приходится всем, вне зависимости от способностей или условий, созданных семьей. И сделать это желательно скорее и раньше на первом попавшемся языке.

Здесь следует всячески поддержать тех мам и пап, которые, не мудрствуя лукаво, отдают своего ребенка в ближайшую группу или школу, не особенно заботясь, какой именно язык там изучается. В самом деле, важно скорее выработать навык, пробить широкую брешь в барьере боязни языка. Ну а если ребенок выучил итальянский, а потом захотел перейти на столь модный сейчас английский – большой беды нет, это нетрудно будет сделать самостоятельно. Вот что имеет колоссальную важность, так это увлеченный учитель, работоспособные товарищи, свежая атмосфера в школе.

В особо благоприятном положении в этом смысле у нас находятся жители многих городов и сел в национальных республиках и областях. Ведь для них доступны не только радио и телевидение, газеты и журналы на еще одном, кроме родного, языке. Им доступно живое повседневное общение с самым широким кругом носителей второго языка. Этой возможности упускать нельзя. И если, скажем, строителю, железнодорожнику или военнослужащему, приехавшему из Ярославля в Пярну либо в Самарканд, может просто не хватить и времени, и сил на знакомство с местным языком, то лишать ребенка такой возможности не следует. Даже если он и расстанется скоро с этими краями, барьер уже будет расшатан, и ребенок увезет с собой раскрывшуюся способность к языкам.

Ну а для русского, постоянно живущего в Баку или Ташкенте, знакомство с местным языком – просто дело чести, уважения к чужому национальному достоинству. Нежелание запомнить слова приветствия, благодарности на языке соседа справедливо расценивается как неуважение, особенно в тех районах нашей страны, где многоязычие принято издавна. Так, в Средней Азии никого не удивляло то, что замечательные писатели С. Айни и Х. Ниязи уверенно писали и по-таджикски, и по-узбекски. Отечественный языковед В. Костомаров подчеркивает, что это вообще не феномены для тех мест – там знание принадлежащих, кстати, к неродственным семьям узбекского и таджикского языков совершенно обычно.

Ну а о Кавказе и говорить нечего – помимо Дагестана, где на небольшой площади живут носители более 25 языков, во многих застольях человек, который не может сказать тоста по-грузински, армянски, а то и азербайджански, будет чувствовать себя не в своей тарелке. В Поволжье весьма распространено владение татарским языком, а к этому еще башкирским или, скажем, чувашским. И когда автор задавал местным жителям вопрос о том, не трудно ли это, ему часто отвечали с удивлением: дескать, а можно ли жить иначе?

Вероятно, так же ответили бы и читатели одной из популярных в Нигерии газет, где помещаются попеременно статьи на 13 (!) языках. Я даже думаю, что если собрать за одним столом этих «стихийных полиглотов», то они быстро нашли бы общий язык. Вот кто изрядно удивил бы их, так это маститый исследователь многоязычия Г. Кливленд. Из составленной им таблички явствует, что, скажем, для носителя английского языка выучить русский примерно так же трудно, как финский, в два раза легче, чем японский, но на 1/3 сложнее, чем французский... Мы не будем спорить ни с маститым ученым, ни с почтенными горцами: главное – преодолеть первый языковой барьер, а какой язык поможет (именно поможет) это сделать – дело второстепенное.

Это следует из того, что, несмотря на самый непривычный звуковой строй и кажущуюся путаницу склонений и спряжений, все языки основываются в конце концов на едином фундаменте, на ряде общих глубинных законов. Поэтому замки всех языков открываются по существу одним и тем же ключом... А сколько их, этих замков?

ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ

По опыту любой из нас знает, что языков на свете очень много. Вот что парадоксально, так это то, что ни один самый толстый справочник или ведущий специалист не может дать точной оценки этого числа. По самому современному подсчету, предоставленному в распоряжение полиглотов Французской академией, население земного шара говорит сейчас на 2796 языках. Немного более высокой цифры – 3 тысячи языков – придерживаются отечественные языковеды. Правда, в деталях ученые мужи расходятся: так, если французы говорят о 8 тысячах диалектов этих языков, то у нас выделяют до 12 тысяч диалектов.

Согласитесь, что это уже очень много. Каково же было удивление автора, когда в выпущенном по последнему слову науки в ГДР лингвистическом справочнике он обнаружил цифру 5651 язык! Правда, ученые сразу поясняют: дело в том, что не менее 1400 языков либо находятся на грани исчезновения, либо готовы выступить в роли самостоятельного языка, но пока еще не добились всеобщего признания. И нужно с сожалением констатировать, что языков-«старцев» больше, чем языков-«младенцев».

Так, на грани вымирания находятся 250 языков, на которых говорят около 40 тысяч аборигенов Австралии. А ведь каждый из них навсегда уносит с собой древнюю мудрость и уникальные особенности. То же относится и к 170 языкам индейцев США, и к ряду языков самого, пожалуй, многоязычного государства современности – Папуа – Новая Гвинея, где говорят на 1010 языках.

Попробуйте себе представить этот океан наречий и говоров, но только скорее, а то нас торопится поправить еще один исследователь. Согласно его мнению, общее число условно перевалило отметку 6 тысяч – только полноправных языков, не считая диалектов! Впрочем, при некоторой начитанности и доброй воле в игру может войти любой читатель, вспомнив хотя бы некоторые древние языки, которые при благоприятных условиях могут ожить, или какие-нибудь редкие говоры. А мы не будем поднимать планку за рекордную цифру 6 тысяч, лучше отдохнем немного в обществе полабского языка.

Что это за язык? Думается, не каждый славист-профессионал сможет ответить на этот вопрос. Тем более были удивлены делегаты одного из недавних международных конгрессов славистов, когда их немецкий коллега Р. Олеш объявил, что прочтет свой доклад по-полабски. После некоторого размышления ученые припомнили, что да, было такое славянское племя, жившее на южном берегу Балтики в седой древности. Холодные волны моря бились о камни острова Руяна (теперь остров Рюген в составе ГДР), где стояла гордая столица Аркона, а князь Готшалк уже в XI веке заботился о просвещении подданных... К несчастью, полабские славяне (венды) были крайними на западе, а значит, ближайшими к германским феодалам.

Истлевшие страницы хроник воскрешают для нас крестовый поход 1147 года, когда на Аркону навалилось 200-тысячное войско. Славяне храбро отбивались, но, когда их недавние союзники – датчане – перешли на сторону врага, железный поток затопил их. Началось длительное и жестокое онемечивание, которое, впрочем, немного сдерживалось тем, что часть земли Полабян была болотистой и нездоровой для колонистов. На этих-то клочках земли среди топей, в чем-то схожих с Полесьем, и сохранились остатки древней культуры до нового времени.

И вот, когда от пламени самобытной культуры остались лишь тлеющие искры, потомок ушедшего в небытие народа взялся за перо. Сердце щемит при чтении записей крестьянина-самоучки Яна Шульце, который торопился нацарапать в тетрадке слова древнего языка, ушедшего вместе с ним. Послушаем его голос: «Я решил в этом, 1725 году записать вендский язык для потомства, потому что на этом языке трудно говорить, а также трудно

писать... У нас вот нынче такая бабушка. Мне 47 лет. Когда я и еще три человека в нашем селе умрут, вероятно, уже никто не будет знать, как по-вендски называлась собака» (оригинал по-немецки).

К счастью, такие мысли приходили в голову не только ему. К чести немецкой культуры нужно сказать, что горячее участие в этом деле принял великий философ Г. Лейбниц, а знаменитый языковед А. Шлейхер даже начал одно из писем по-полабски. Хотя и со значительными потерями, полабская языковая культура и основы мировосприятия были сохранены для потомков.

Поэтому нам не хотелось бы воспринимать доклад Р. Олеша лишь как шутку или учебное упражнение. В том, что немецкий ученый с коллегами взялись за воссоздание звучания вытоптанного языка, есть нечто символичное. Этим отдан духовный долг, сделан шаг доброй воли, так важной в отношениях между народами и в наши дни.

Выражая благодарность ученому, стоит вспомнить о языке народа со схожей судьбой – серболужицком. После тяжелых испытаний, последним из которых было его полное запрещение в годы нацизма, язык возрожден и пользуется всеми правами в ГДР. Сейчас на нем говорят около 100 тысяч человек, и, если читателю доведется побывать под Лейпцигом, он сможет побеседовать с представителями местного славянского населения без помощи переводчика, благо наши языки еще не успели далеко разойтись.

Рассказать о непростой судьбе двух западнославянских языков нам помогла обстоятельная книга белорусских славистов А. Супруна и А. Калюты. Но невеселые истории об утрате старых языков нам рассказал бы специалист по любой другой языковой семье. А ведь каждое наречие – сокровищница, столетиями концентрировавшая духовный потенциал народа. Поэтому часто повторяемое сегодня слово «экология», означающее охрану и растительности, и животного мира, и традиционного образа жизни – говорит же Д.С. Лихачев об экологии культуры, – мы имеем право отнести и к языкам.

Языки надо беречь, и это не только общее пожелание относительно культурной политики. Это дело каждого из нас. У одного в памяти сохранились украинские или татарские слова языка, на котором говорила бабушка, у другого – какой-то освоенный в отпуске или дальней командировке диалект... Все это – богатство, которое нужно если не умножать, то уважать. И уж во всяком случае не позволять сыну бездумно проскочить мимо напевной речи «Слова о полку Игореве» в спешке школьной программы.

Такая вот экология языков. Ну а кроме этого общего вывода мы имеем основание вывести и один частный. Он состоит в том, что полного успеха здесь быть не может: ведь выучи 2–3 языка или 10–15 – все равно это в принципе равнозначно по отношению к тысячам существующих языков. Большая ли разница – освоить 1/1000 или 1/200 от их числа? Впрочем, о тысячах говорить серьезно не стоит – прежде всего потому, что 2/3 из них не имеют письменности. Учтем даже то, что из оставшейся трети лишь 500 языков удовлетворительно описаны. Выучил ли хоть один, самый гениальный, полиглот по крайней мере большую их часть? Если опираться только на строго документированные данные последних двух веков, то мы можем вспомнить прежде всего Л. Шютца, дошедшего до 270 языков. Немногим уступили ему датчанин Р. Раск – 230 и англичанин Дж. Боуринг – 200. Далее идут полиглот из ГДР Г. Гестерман – 123, итальянцы Дж. Меццофанти и К. Тальявини – от 100 до 120 языков, а замыкает список наш современник Ж. Шмидт, освоивший 66 языков.

Как видите, при самой большой форе, данной полиглотам, лишь самые феноменальные из них приблизились к отметке 1/2 тех языков, которые реально можно освоить по книгам. А это означает, что любой из них все равно делал то же, что и обычный человек, – выбирал самый нужный для себя язык. По возможности сократить число языков, которые хотелось бы изучить, – это умение, к которому мы и перейдем.

Как выбирать язык?

До сих пор мы говорили о возможностях, которые лежат на поверхности. Для того чтобы достичь качественного перелома в своих отношениях с языками, подойдет любая возможность, предоставленная жизнью. Но дальше, чтобы овладеть речью по-настоящему, нужно приложить время и труд, купить словари или поступить на курсы. И дабы не тратить сил зря, надо сразу и точно выбрать объект их приложения. Размышляли на эту тему многие. То есть справлялись при случае с многоязычной ситуацией, были полиглотами в самом широком смысле почти все.

Но систематически приступали к изучению чужого языка не так много людей – не более чем каждый восьмой житель нашей планеты свободно владеет иностранным языком. И что самое неприятное: будь ты даже асом в одном языке – взяв в руки простейшую газету на другом, вряд ли что-нибудь поймешь. Поэтому нужно выбрать для изучения такой язык, который пригодился бы в жизни больше всего. Но многие ли могут точно рассчитать хотя бы собственную жизнь лет на 20 вперед, не говоря о детях, которые только поступают в школу? Что и говорить, задача трудная, но разрешимая.

По подсчетам одних полиглотов, 11 языков по числу говорящих на них охватывают 2/3 населения земного шара. Другие полиглоты поправляют их, утверждая, что таких общераспространенных языков немного больше – 14. Но даже эта цифра очень невелика. Вдумайтесь: в любой точке земного шара не менее 6 человек из 10 говорят на одном из этого небольшого количества языков! Причем на деле внутри этого скромного числа есть родственные группы, так что, зная один язык из такой группы, при незначительном усилии можно понять и несколько близких к нему. Познакомимся с ними.

Первая семья – индоевропейские языки, названные так потому, что они распространились на огромной территории прежде всего Индии и Европы. Сюда относится *русский язык*, дающий ключ ко всем славянским, но тесно связанный и с другими своими родственниками – *немецким* и *английским*, а также *французским*, *испанским*, *португальским*. Английский мы поставили посредине, поскольку его строй очень близок к немецкому, но по разным историческим причинам до 45 процентов самого обычного английского текста заполнено французскими по происхождению словами. Ну а понимание между испанцем и португальцем ничуть не хуже, чем между русским и болгаринцем, если каждый будет говорить на своем языке.

В эту же семью входят и близкородственные индийские языки. К ним относятся лишь недавно разделившиеся *хинди* и *урду*, а также *бенгальский*.

Языком, широко распространенным от африканского побережья Атлантики до Индии, является могучий представитель семитской семьи – *арабский*. А несколько севернее, на огромной территории от Босфора до Якутии, расположились народы, говорящие на очень близких друг другу тюркских языках, так что понять соседа всегда нетрудно. Сюда относятся такие языки, как *турецкий* или *узбекский*. А Дальний Восток представлен двумя совершенно непохожими языками, которые сближены иероглифической письменностью, – *японским* и *китайским*.

Чтобы достигнуть таких позиций, каждый из языков прошел сложный путь с захватывающей историей. В общем, это отразилось на их распространении. К примеру, языки Азии обычно занимают компактную целостную территорию, а европейские, такие, как английский или французский, разбросаны по всем материкам за счет колониационной политики. В современном мире, где политически зависимых стран остается все меньше, названные языки на равных правах повышают свое значение. Служа во многих случаях языками-посредниками, они принимают на себя качественно новые функции и становятся мировыми языками.

Так называемый клуб мировых языков, объединяющий языки, официально принятые ООН в качестве рабочих, постоянно расширяется, и это положительная тенденция.

Итак, один подход к тому, как выбрать полезный для себя язык, мы нашли. Существенным его недостатком является только то, что мы опирались лишь на число говорящих, но ведь есть и масса других мотивов, по которым человек усаживается за словари. Всего, конечно, не угадаешь, но какие-то 5–6 запросов у людей, наверное, будут все-таки общими. И здесь нам на помощь приходит опыт бывалых полиглотов, обобщенный известным знатоком языков М. Пеи. Внутри диаграммы, которую вы видите перед собой, отражены те факторы, которые делают язык ценным для изучения. В каждом секторе проставлены примерные оценки их сравнительной важности, полученные в результате бесед с людьми, взявшимися за освоение языков. Начнем знакомство с нижнего левого сектора нашей диаграммы. Мы только что занимались именно этим: оценивали языки по тому показателю, как много людей на них говорит. Этот фактор один составляет не менее четверти значения каждого языка (или еще можно так сказать, что из каждых 100 человек 25 взялись за данный язык потому, что на нем говорит много народу).

В верхнем правом углу стоят примерно равнозначные: торговый статус (12 %) и промышленный вес (13 %). К примеру, японский уступает китайскому по числу говорящих, но он обслуживает так высоко развитые промышленность и торговлю, что это уравнивает оба языка, а для специалиста по электронике или химии делает японский неизмеримо более важным.

В верхнем левом углу отражено культурное значение языка (10 %), несколько ниже – значимый уровень грамотности (остающийся пока проблемой для многих стран «третьего мира»). Сюда же относится и сравнительная трудность языка и письменности (8 %). Наконец, военно-политический статус (7 %). Здесь мы считаем нужным поправить М. Пеи: сегодня следует ориентироваться только на мирное сосуществование. Поэтому тут будем говорить лишь о политическом весе. Вот, к примеру, финский язык. Страна, где на нем говорят, уступает скандинавским соседям и по числу говорящих, и по хозяйственному развитию. Однако постоянные усилия Финляндии в налаживании мира и коллективной безопасности – вспомним хотя бы Хельсинкское совещание – существенно повысили ее престиж.

В нижнем правом углу диаграммы обозначен научно-технический статус языка (12 %), а также распространение в мире (13 %). Последнее не нуждается в пояснениях. Например, итальянский язык при всей его неопределимой культурно-исторической значимости сейчас замкнут рамками одной страны. А его сосед и родственник – испанский – чувствует себя как дома не только в Европе, но и в Латинской Америке, Африке, кое-где в Азии.

Ну вот, а дальше надо выбирать. Делается это так: берете в руки энциклопедию или какой-нибудь достаточно подробный справочник типа популярного у нас «Страны мира» и внимательно ищете там сведения об интересующем вас языке. Затем напротив каждого сектора нашей диаграммы ставите знак +, если данный признак есть, и знак –, если им можно пренебречь, и потом складываете те проценты, против которых стоит плюс. Представим себе

для большей наглядности какой-нибудь реальный случай. Вот, к примеру, мой знакомый, учащийся строительного техникума. Съездив на экскурсию в Таллинн, он заинтересовался эстонским языком и вернулся в Ленинград с самоучителем. Перед тем как сесть за занятия, он спросил меня, насколько значим этот язык в современном мире. Вместо ответа я предложил ему построить диаграмму. Вот как мы рассуждали.

Если начинать с левого нижнего угла, то Эстония – самая маленькая из союзных республик. Однако в рамках так называемой уральской семьи языков у эстонского есть много родственников, с которыми – например, финским и карельским – взаимопонимание не встречает сложностей. С учетом этого ставим здесь плюс.

Что касается торгово-промышленного статуса, то при близости Эстонии к Ленинграду у нас наладились деловые связи. Обычны поездки специалистов, обмен опытом. Другими словами, знание эстонского языка тут тоже не лишне. В общем, смело ставим два плюса.

Переходим к культуре. Она в Эстонии достаточно высока. Вспомним хотя бы о театре «Ванемуйне» в Тарту или о таллиннском старом городе. И все это в пределах 6–8 часов езды на автобусе. Так что и здесь плюс.

Что же касается трудности языка, то при всем добром отношении к эстонскому нужно поставить минус. Дело в том, что если для русского языка большинство языков прибалтийских народов – родственники: скажем, польский – близкий, латышский и литовский – подальше, а шведский – дальний родственник, то эстонский представляет совершенно другую структуру, и, к сожалению, изучение его требует от носителя русского языка большого труда... Ну а политический вес определен тем, что эстонский – язык союзной республики, со всеми вытекающими отсюда последствиями (ставим плюс).

Остается нижний правый угол. Научный статус языка в целом ряде отраслей весьма высок, и строительство традиционно в них входит – снова плюс. Что же касается распространения, то родственники эстонского языка – коми, удмуртский, марийский и другие – занимают очень компактную, небольшую территорию: они не так разбросаны, как, скажем, тюркские языки. Ставим минус.

Теперь можно сделать вывод. На плюсы у нас пришлось 79 % – то есть в пользу того, что за язык стоит приняться, говорят 4/5 учтенных нами мотивов.

Мой знакомый поблагодарил меня и ушел, а я задумался, в какой мере такая «точность» отражает истинное положение дел. Конечно, у каждого свой вкус. Однако, думая о том, не взяты ли за какой-нибудь язык, полиглоты в самых общих чертах рассуждают примерно так же. Может быть, что-то из их опыта в этом направлении вам пригодится – подумайте. Во всяком случае необходимо избегать односторонности, будете вы пользоваться диаграммами или нет. Когда вы слышите: «Меня интересует немецкий, но только для работы», или «По вечерам я собираюсь учить французский, но исключительно для собственного удовольствия», или еще что-нибудь в этом роде, можете не сомневаться – у говорящего очень мало шансов овладеть языком. Надежда на то, что язык станет легче от того, что вы отбросите все его роли, кроме одной, – иллюзия.

Точно так же, как нельзя выучить язык, используя какой-то один прием, одну способность, так и не забыть его, не растратить вложенных в его освоение усилий в нашей хлопотливой жизни можно, лишь прибегая к его помощи в самых разных ситуациях. Как известно, с очень ограниченными способностями можно добиться блестящего результата, если точно рассчитать силы. Так же и с языком. Нужно продуманно выбрать его, так, чтобы он возникал на вашем жизненном пути постоянно. Вот и вся премудрость.

Если же вам что-то осталось неясным, советую перечитать подробную биографию А.С. Пушкина. Мало кто владел так, как он, умением учить языки легко, с вдохновением, одним словом – по-пушкински! Не будем повторять, сколько книг на многих языках было в библиотеке поэта – вы наверняка не раз читали об этом. Как и о том, что французский был

для Александра Сергеевича практически родным языком. А сколько прекрасных строк навеяно Пушкину певучей речью его кишиневских знакомых? Трудно сказать, зато о его методах учебы они охотно поведают: «Подав... гостю стул, Пушкин принимался забрасывать его разного рода вопросами на молдавском языке... Некоторые фразы, которые чаще всего надобно было употреблять и которые ему особенно не давались, он записывал прямо на стенах, чтобы они были всегда на виду». А вот английский в начале прошлого века был распространен в общем меньше французского. И кстати, по этой причине считался вдвое труднее. Зато теперь, когда французский в целом ряде сфер сдал свои позиции, сложнее стал уже он. Ничего удивительного: тот язык, который постоянно «лезет в уши», обычно и расценивается как более простой. Впрочем, мы отвлеклись. Так вот, английский был реже слышен, и Пушкин взялся за него сравнительно поздно.

Современник вспоминает: «Я заподозрил его знание языка и решил подвергнуть его экспертизе. Для этого, на другой день, я зазвал к себе его родственника Захара Чернышева, знавшего английский язык как свой родной, и, предупредив его, в чем было дело, позвал к себе и Пушкина с Шекспиром. Он охотно принялся переводить нам его. Чернышев при первых же словах... расхохотался: „Ты скажи прежде, на каком языке читаешь?“ Расхохотался в свою очередь и Пушкин, объяснив, что он выучился по-английски самоучкой, а потому читает английскую грамоту, как латинскую». Прервем цитату и, не тратя слов на сожаления о том, как это у гения были друзья, которые могли над ним подтрунивать, зададимся вопросом: кто же из них лучше знал английский язык?

В школярском смысле слова ответ ясен, и он не в пользу поэта. Но в более глубоком, общечеловеческом смысле?

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

Помимо того что это прекрасная русская поэзия, это еще очень тонкая перекичка с известным вопросом шекспировского Ромео. А вот написанное в том же 1830 году: «Суровый Дант не презирал сонета...», где отправной точкой для полета фантазии Пушкина стала строка английского поэта Вордсворта. А помните это:

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы...

Ну конечно, это строки из «Пира во время чумы», а в подзаголовке там стоит: «Из вильсоновой трагедии» – и следует ее название по-английски. А сколько нитей, восходящих к байроническим стихам, вплетено в ткань «Евгения Онегина»!

Как естественно и мощно были подхвачены слова и чувства английских бардов потоком вдохновения русского поэта, какое новое развитие получили заложенные в них ассоциации в мире нашей культуры... Так знал ли Пушкин английский? Да, и не хуже, чем любой собеседник. Поэтому нас не удивит подтверждающее нашу мысль завершение рассказа мемуариста: «Но дело в том, что Чернышев нашел перевод его совершенно правильным и понимание языка безукоризненным». Вот это верно. Кстати, заметим, недостаток в чтении Пушкина не был существенным с чисто лингвистической точки зрения. Дело в том, что английское написание изобилует трудностями не просто так, а потому что оно воспро-

изводит старинное произношение. То есть если в наши дни слово *time* читается «тайм», а слово *cause* – «кооз», то было время, когда они читались как «тимае» и «каузе». Следовательно, читая по буквам, поэт как бы придерживался старинного произношения, еще не вполне забывшегося во времена Шекспира...

Прервавшись ради поучительной истории, трудно удержаться и дальше. Тем более что сюда так и просится похожее происшествие, случившееся с одним одесским маляром в начале века. Было ему под 20 лет, когда он явственно ощутил интерес к языку. Случайно нашему герою попало в руки пособие по английскому. Но вот беда – начало, в котором излагались запутанные правила чтения – как мы уже знаем, камень преткновения, – как раз и было оторвано. Нисколько не смутившись, молодой человек бодро взялся за язык, также руководствуясь мудрым правилом: читать как бог на душу положит. Кстати, и здесь нашелся очевидец, сохранивший для истории методику полиглота: «Делал он это без отрыва от малярного производства – весь пол был исписан английскими словами!»

А потом было много всего – и работа в газете «Одесские новости», и любимые детворой стихи про Крокодила и Муху-Цокотуху, и мантия почетного доктора одного из старинных английских университетов. Конечно, вы уже догадались, что речь идет о Корнее Чуковском. Помешали ему трудности в начале учебы или, может быть, он не уловил духа языка? Но вернемся к Пушкину.

Все-таки и в нашей области есть чему у него поучиться – прежде всего этой постоянной готовности искать и находить в родной речи оттенки и обороты, точно совпадающие со строем самого далекого на первый взгляд языка. Впрочем, здесь помимо простой талантливости, вероятно, отразилось и присущее русскому национальному характеру умение найти общий язык с самым непохожим народом. Оно выработалось после нелегкого исторического пути, а русский язык бережно сохранил в себе все краски, которыми он обогатился от этих контактов, – они и сейчас готовы заиграть под рукой мастера слова.

Примерно об этом мы говорили в Пушкинском заповеднике с Семеном Степановичем Гейченко. День уже клонился к концу, было жарко, а мимо нас все шли паломники, приехавшие из разных краев. Слышалась узбекская и эстонская, французская и чешская речь. Отвечая на приветствия гостей, Семен Степанович вспоминал то об украинце, привезшем барвинок с могилы Т. Шевченко, то о литовце, принесшем земли с кургана Мицкевича, то о композиторе Б. Бриттене, который написал романсы на стихи Пушкина. На обложке издания – оставшийся перед глазами английского гостя вид озера Маленец, а в саму партитуру введен звук била, ударами которого отмечались часы в заповеднике. Здесь, в этих местах, столько давших творчеству поэта, особенно чувствуется какое-то теплое доверие, с которым к нему относятся представители разных народов: многим из них Пушкин, в свою очередь, открыл врата в мир русской культуры.

Может быть, поэтому культура перевода у нас так высока. Крупнейшие поэты всегда поддерживали эту пушкинскую традицию (наверное, лишь Есенин был одним из немногих, кто не ощущал глубокой тяги к иностранным языкам; тем не менее его стихи из так называемого персидского цикла – вспомним хотя бы «Шаганэ ты моя, Шаганэ» – сравнивают с пушкинскими подражаниями арабскому).

Есть чем гордиться и другим народам. Вот, например, Латвия. До недавнего времени латыши знакомились с литературами разных народов прежде всего по переводам на мировые языки. «Но вот, – пишет местный литератор, – молодые латышские поэты решили установить прямые связи, без посредства подстрочников, с поэзией наших республик». И закипела работа: Л. Бриедис поехал учиться в Молдавию, У. Берзинь составил антологию переводов с азербайджанского языка и успешно работает с родственным ему турецким, Н. Кална не пожалела времени на туркменский, а К. Скуниек уверенно переводит с болгарского и польского... «Учите латышский, учите грузинский, учите молдавский! Язык – душа народа, язык

– такой взгляд на мир, какого у вас нет и быть не может, – продолжает автор, – язык – это будущие друзья и единомышленники. Язык – путешествия, открытия, встречи, которых без него никогда не будет».

Признавая общечеловеческое значение Пушкина, латыши с гордостью называют имя своего соотечественника Я. Райниса, автора прекрасных переводов Лермонтова, Шекспира, Гете, Шиллера, Гейне... Ну а соседи латышей – литовцы – с гордостью укажут на основателя своей письменности К. Донелайтиса. По тяжелейшим условиям, в которых развивался поэт, его можно сравнить разве что с Т. Шевченко. Литовский просветитель вышел из самой гущи крестьян, боролся с нуждой, с трудом попал в школу для бедных. Зато, добравшись до знаний, он стал подлинным чудом. Как рассказывают современники, Донелайтису не составило бы труда в стихах перейти на греческий, продолжить по-немецки, ввести латинскую строфу и закончить на литовском. Вот это полиглот! Степень влияния таких людей на родную культуру трудно преувеличить.

Лучше всего о переменах, происшедших на литовской земле, мог бы поведать нам наш современник, полиглот Э. Пундзявичюс. Родился Эдуардас тоже на селе (кстати, недалеко от родных мест Донелайтиса), и какую-нибудь сотню-полторы лет назад ожидала бы его такая же трудная судьба, как и старого просветителя, но строй жизни переменялся радикально. Работая сельским учителем, наш герой взял себе за правило запоминать в день по 10 слов какого-либо языка. Шли годы – и в его активе мало-помалу набралось 16 языков народов нашей страны и мира. Читая вышедшие на них книги, полиглот нашел много интересного и решил сделать несколько переводов. Настоящий перевод – дело сложное, требующее помимо знания языков еще и особых профессиональных качеств. Но в издательствах республики Пундзявичюса приняли доброжелательно, что-то поправили, в чем-то помогли – и стали выходить в его переводах книги писателей Румынии и Франции, США и Сальвадора. Сейчас Эдуардас взялся за турецкий язык, так что если вас интересует методика работы или вы знаете какой-нибудь родственный язык – скажем, татарский или киргизский, – заезжайте летом в Гарляву Каунасского района, и вы познакомитесь с очень интересным собеседником.

Но почему мы говорим только о гуманитарных занятиях? Навыки полиглота могут быть полезны в любом без исключения деле. Передо мной вырезка из «Ленинградской правды». На фотографии девушка с короткой стрижкой, в больших модных очках. Вокруг – водоворот людей, приезжающие и отъезжающие группы туристов, а у нее разложены на прилавке киоска газеты и журналы, марки и открытки, как обычно в почтовом отделении.

После окончания ПТУ-87 Татьяна Ковалева пришла работать в киоск гостиницы «Прибалтийская». Одно из необходимых тут умений – помочь гостю нашего города купить нужный набор открыток или конверт. Одним словом, довольно специфическое общение. А русским языком многие не владеют. Все началось с немецкого – пришлось освежить в памяти оставшиеся со школы знания. Когда язык «пошел», Татьяна записалась на курсы французского. Трудностей в работе убавилось. Английский, близкий к обоим этим языкам, освоила уже самостоятельно – по разговорникам и пластинкам. А дальше на успех работали те два фактора, о которых мы с вами подробно говорили. Во-первых, барьер, после того как 1–2 языка пробили в нем брешь, стал много ниже. Во-вторых, после естественного освоения 2–3 мировых языков следующие нужно было выбрать очень продуманно.

В самом деле, представим себя на месте Татьяны. Помните нашу диаграмму? Прежде всего она взялась за широко распространенные языки с большим числом говорящих на них. А дальше все определялось составом тех групп туристов, с которыми приходится работать чаще всего. Для Ленинграда это, конечно, скандинавские соседи: с одной стороны, близкие друг другу шведский, датский, норвежский языки, с другой – финский. Далее – языки ближайших братских стран; чешский, польский, понятные русскому без особых усилий, и требующий их венгерский. Вот Татьяна и выучила прежде всего языки-ключи – шведский,

финский, венгерский. Разве для этого нужны какие-то особые таланты? Покупателей много, тут особо не разговоришься, главное – основные слова вежливости, гостеприимства, сотня-другая профессиональных терминов, больше в общем-то и не надо.

Кстати, это – очень важное понятие, не хотелось бы, чтобы оно проскользнуло мимо вашего внимания. Речь идет о частотности слов. В каждой ситуации есть слова, которые встретятся почти наверняка, а есть и такие, которых точно не будет. Вероятно, самые частые – «здравствуйте», «спасибо», «да». Вспомните хотя бы, на скольких языках вы можете попрощаться: «Гуд бай, ауфвидерзеен, чао...» – в том-то и дело. Именно на этом в немалой степени основываются легенды о полиглотах. Ведь если точно знать наиболее часто употребляемые слова – а их всего 2–3 сотни, – то объясниться можно всегда. Кстати, и диаграмма М. Пеи построена на перечислении тех ситуаций, в которых язык понадобится в первую очередь, а это та же самая частотность. «Работает виртуозно», – говорят о Т. Ковалевой на почте, и мы тоже кое-чему от нее научились.

Крепкая традиция изучения языков сформировалась и в наших науке и технике. Крепкая и очень давняя, поскольку у истоков стоял человек, сделавший для научно-технического развития России не меньше, чем Пушкин для словесности. Речь идет о М.В. Ломоносове. С каким опозданием пробился он к знаниям, какие препятствия преодолел, помнят все. Но вот что бы хотелось здесь отметить – в его родной среде поморов знание литературных иностранных языков отнюдь не было предметом гордости и с детства не прививалось. А как Михайло Васильевич учил языки?

Латынь открылась ему за несколько месяцев. Через полтора года после начала учебы он владел ею как разговорным языком. Дальше последовали немецкий и итальянский, английский и французский, польский и греческий... А что касается каких-то особых секретов, то их было немного. В основном трудился один: оставался, так сказать, принципиальным самоучкой. Твердо стоял на том, что язык нужно постоянно оттачивать на самых разных занятиях. Такое переключение дает и отдых голове, и расширяет кругозор. «Тура оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики», – любил говаривать Ломоносов. Отдых для него – ни в коем случае не бездействие, но только смена труда. И тут нам, пожалуй, не удержаться от соблазна дать слово самому Михайле Васильевичу, отвечавшему изящному вельможе И. Шувалову на вопрос, когда же он отдыхает: «Всяк человек требует себе от трудов успокоения: для того, оставив настоящее дело, ищет себе с гостями, или с домашними препровождения времени, картами, шашками и другими забавами, а иногда и табачным дымом, от чего я давно отказался, затем что не нашел в них ничего, кроме скуки».

Однажды, когда в молодежной аудитории автору довелось привести в пример Ломоносова как образец отношения к языкам, слушатели возразили: мол, раньше все было другое, языковая культура была выше. Достаточно вспомнить людей, окончивших старую гимназию. Нет, с этим согласиться трудно. Возьмем хотя бы близкую ученому по времени и духу Е.Р. Дашкову. Екатерина Романовна, первая в мире женщина – президент Академии наук, по таланту ровня Ломоносову, но в отличие от него получила раннее образование. Однако вот что она пишет: «Мое воспитание, в свое время признанное за самое лучшее, ограничивалось немецким, французским и итальянским языками, историей, географией, арифметикой, катехизисом, рисованием и танцами». Да, Екатерина Романовна скромна, но при всей скромности писать стихи на латыни для нее было затруднительно. А разве только стихи писал Ломоносов? Химики, астрономы, геологи лишь в наши дни проникают в глубину его мыслей и прозрений. Выходит, колоссальная занятость не мешала занятиям языками. А может быть, они-то и давали отдых?

Проверим эту догадку на примере замечательного астронома Н. Коперника. По масштабам переворот в наших представлениях о Вселенной, совершенный им, требовал сил не

одного человека, а целого института! И он тратит свое – буквально золотое – время, чтобы переводить с греческого на латинский сочинение Феофилакты Симокатты под названием... Нет, вы только вчитайтесь в него: «Нравственные, сельские и любовные письма». Что это, чудачество? Но если бы один Коперник...

Вы видели когда-нибудь толстые тома сочинений Гегеля, так мощно продвинувшего учение о диалектике? Тоже был довольно занятой человек. Знакомый с Гегелем романтический поэт К. Brentano однажды застал его за весьма своеобразным занятием – «он читал героический эпос и Нибелунгов и, чтобы насладиться ими, переводил их себе на греческий!»

Приведя эти и другие похожие примеры, автор уже думал, что убедил аудиторию. Но не тут-то было. С места поднялся вдумчивый слушатель и заметил, что все сказанное доказывает только одно. А именно, что люди, живущие в постоянной горячке творчества, в колоссальном поисковом напряжении, для компенсации нуждаются в какой-либо вялой, монотонной, бесцветной механической работе. Просто в данном случае им подвернулись языки, а в принципе подошло бы и вязание.

Не могу не согласиться с таким мнением. Кстати, ученые упорно твердят, что ресурсы мозга неисчерпаемы и для их полного использования необходимо все время менять виды деятельности. И все-таки дело обстоит не так просто. Помнится, сразу каких-то весомых возражений автору в голову не пришло. Но уже по дороге домой в памяти всплыли, на мой взгляд, доказательные примеры. Речь пойдет о шахматистах, только не экстра-класса, а просто неплохих. Нагрузка на память у них очень большая, все время в голове идет механический перебор вариантов, просчет ходов. Но особые взлеты здесь нечасты.

Вот, к примеру, Н. Шорт, английский международный мастер с 1980 года. Он рано начал играть в шахматы, много занимается теорией, и тем не менее в родной болтонской школе ему пришлось даже повоевать за право учить греческий. (Такой факультатив вообще-то возможен, но других охотников на него не нашлось.) Немногим старше Шорта – 1948 года рождения – немецкий шахматист Р. Хюбнер. Четырежды сражался Роберт за шахматную корону, что не помешало ему освоить греческий и латынь. Причем так капитально, что для углубления языковых знаний ему была выделена стипендия на поездку по ряду стран. Дело происходило в 1980 году, пора было снова претендовать на титул чемпиона – и Роберт... отказался. Вы думаете, он отдался шахматам? Представьте себе удивление его секунданта, гроссмейстера Х. Хехта, когда Хюбнер подошел к нему с тетрадкой и попросил проверить, хорошо ли он выучил финские и венгерские слова.

Таких примеров из нашей сегодняшней жизни можно назвать вполне достаточно, но мы обратимся к шахматисту прошлого века И. Цукерторту – просто потому, что он интересен как личность. С пороком сердца ушел на фронт австро-прусской войны, много раз был ранен, получил 9 орденов и медалей за храбрость – и был уволен за призывы к миру. Увлечен шахматными сеансами вслепую и подорвал на этом здоровье – потерпел поражение в матче за звание чемпиона мира 1886 года с гениальным Стейницем. Но как потерпел! Соперник назвал одну из разыгранных Цукертортом комбинаций, «может быть, даже самой красивой из всех, когда-либо созданных на шахматной доске». И в этой насыщенной жизни он нашел время, чтобы овладеть 13 языками – русским, немецким, арабским, турецким, испанским, английским... Ну уж нет, механической работы у каждого из названных шахматистов было с избытком, и никому это не помешало любить и знать хотя бы 1–2 языка.

А значит, прав не только пытливый слушатель или автор. Правы все. Получается так, что для тех, кому не хватает спокойной, монотонной работы головы, изучение языка дает ее с избытком. А если ее слишком много? В языке вы найдете возможности увлекательных взлетов, маленьких открытий. Выходит, это помогает вовремя отыскать противовес одностороннему развитию личности, снимает перегруженность одних способностей и простаивание других. И все прошедшие перед нами люди были талантливее в первую очередь в том, что

сумели нащупать свою слабость и превратить ее с помощью языков в силу. Вот видите, мы опять пришли не к приемам быстрого запоминания или природным талантам, а к доступному каждому человеку умению познать себя. А здесь дело только в упорстве, в стремлении к поставленной цели.

В этой работе не может помешать ничто. Вероятно, о крайнем случае рассказывает автобиография Г. Шлимана, раскопавшего древнюю Трою, в существование которой в его годы никто не верил. А с чего он начинал? Талантов особых не было, на окончание школы не хватило денег – однажды Шлиману пришлось просто просить милостыню на обочине амстердамской дороги. На всю жизнь он остался упорным самоучкой, но и в своей очень трудной жизни нашел силы на несколько дюжин языков. Причем русским он овладел без чьей-либо помощи за шесть недель. Конечно, говорил по-русски небезупречно и с изрядным акцентом, но что значили неизбежные сбои по сравнению с богатством личности этого человека, знакомого с арабским и французским, голландским и греческим... Кстати, не замечаете ли одной особенности: уже в который раз третьим-четвертым из освоенных языков оказывается греческий? Со странным упорством этот не самый легкий и распространенный язык привлекает силы самых разных людей. Нет ли тут какого-либо секрета полиглотов? Есть, и мы сейчас им займемся.

Прежде всего, классические языки – латинский и греческий – носители мировоззрения, лежащего у самых истоков нашей культуры. На этих языках были заданы важные вопросы, на многие из которых человечество до сих пор ищет ответы. А если добавить к ним язык предков каждого читателя – для многих это, вероятно, будет древнерусский, – то получится как бы пуповина, соединяющая современность с теми ее началами, от которых пока преждевременно отрываться. В этом смысле и любовь Пушкина или Гегеля к древним языкам, и то, как быстро расходятся пластинки с чтением «Слова о полку Игореве» в оригинале, – явления одного порядка.

Позвольте, вправе спросить читатель, а как же Дарвин с Эйнштейном? Ключевой роли этих людей в современной культуре отрицать не приходится, а к языкам они были на редкость неспособны. Действительно, на первый взгляд тут все наоборот. Скажем, Эйнштейн просто страдал в старой, ориентированной на классическую ученость гимназии. Отвращение к подобному воспитанию было таким сильным, что молодой гений на вступительных экзаменах в институт хорошо сдал математику, но с треском провалился на иностранных языках... И что верно, то верно: Дарвин понял бы «неудачника». Читая автобиографию великого естествоиспытателя, мы встречаем пассаж, удивляющий страстностью и теперь, – что же говорить о чопорном прошлом веке в Англии?

«Ничто не могло быть вреднее для развития моего ума, как школа доктора Батлера. Преподавание в ней было строго классическое, и кроме древних языков преподавалось только немного древней географии и истории, – прочувствованно пишет автор и далее честно признается: – В течение всей моей жизни я не мог одолеть ни одного языка». Конечно, молодым людям, которым портили языками настроение, можно посочувствовать. Но есть тут и мораль, более важная для нас.

Дело в том, что в средневековой европейской культуре господствовала установка на старину. О чем бы ни шла речь, древние авторитеты – будь то Аристотель, Эвклид или Гиппократ – это уже знали. Надо было лишь хорошо вчитаться и вынести нужные сведения. Соответственно и язык культуры был древним и общим для всех. Потом в культуре и общественной жизни произошли глубокие перемены – на глазах возникали молодые профессии, науки, ремесла. Беспрецедентность этой ломки обеспечивалась новыми (национальными) языками. Не случайно Ломоносов был не только знатоком латыни, но – что для нас важнее – стал основоположником русского литературного языка.

Конечно, в условиях этого этапа старинная система воспитания уже сдерживала умы, ставила прогрессу палки в колеса. Отсюда-то и скверные отношения Ч. Дарвина и А. Эйнштейна с древними языками. Ну а то, что оба отнюдь не были тупицами в языковом отношении, не подлежит сомнению. Тот же Эйнштейн пленил Р. Роллана мягким и точным французским. Все это подтверждает ту мысль, что выбор языка – дело очень серьезное.

Кстати, хорошим примером тому может служить... периодическая система элементов Менделеева. Нет, мы не собираемся говорить здесь о химических формулах, хотя это – незаменимый и понятный любому специалисту язык. Мы займемся историей ее открытия. Помните, Дмитрий Иванович пытается найти закономерность... отчаивается... засыпает... видит во сне то, что никак не давалось... просыпается и, подбежав к столу, уверенно записывает таблицу? Работа сделана, нужно только озаглавить ее – и рука быстро выводит: «Опыт системы элементов, основанной на их атомном весе и химическом сходстве». Стоп! На каком языке это было написано? Речь идет о 1869 году. За 200 лет до этого мыслима была только латынь, за 100 – латынь с не очень пока привычным русским, ну а теперь он пишет по-русски и ниже... по-французски. Дело опять не в личных симпатиях, а в законах развития общества!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.